УДК 882.5

**« ВСЯКАЯ ВЕЩЬ, ИСТОРГНУТАЯ
ИЗ СОСТОЯНИЯ ПОКОЯ, ЗВУЧИТ...»
(МИСТИФИКАЦИИ Е. ВАСИЛЬЕВОЙ)**

Папырина А.А., соискатель

Запорожский государственный университет

Одним из наиболее ярких литературных событий начала XX в. стали мистификации. Развитие в литературе этого жанра было обусловлено самой культурной атмосферой, поскольку «воздух времени был пронизан розыгрышами, театрализацией, маскарадом» [1, 134]. Именно в этот период Мейерхольд обращается к итальянской комедии масок – дель арте, А.Блок создает свой «Балаганчик», «арияетки Пьеро» приносят широкую известность А.Вертинскому.

Мистификация, приживаясь и развиваясь на русской почве, обнаружила себя явлением более ёмким, чем псевдоним. Вместе со стихами обретал жизнь и вымышленный персонаж. Создавался миф, сотканный из легенд и событий, как будто происходивших в жизни литературной маски. И такой миф порой имел значение гораздо большее, чем судьба реального человека...

Пожалуй, самой талантливой мистификацией 1900-х гг. стало творчество Черубины де Габриак. Стихи, написанные от лица иноземной красавицы, принадлежали школьной учительнице Е.И.Дмитриевой (Васильевой), которая до этого опубликовала свою единственную работу – перевод с испанского «Октавы Святой Тересы» под псевдонимом Е. Ли. Этот литературный розыгрыш стал первым в русской изящной словесности начала века, а вслед за ним мужчины «создали литературные маски женщин-поэтов, наделив «внучек Козьмы Пруtkова» сладкозвучными именами – Анжелика, Нелли» [2, 23]. За этими масками скрывались Лев Никулин, придумавший Анжелику Сафьянову, и Валерий Брюсов, писавший под псевдонимом Нелли.

Имя же Е.Васильевой упорно связывается именно с ее первой мистификацией. Хотя почти двадцать лет спустя после триумфа Черубины был написан цикл стихов в духе китайской поэзии, «сочиненных» философом Ли Сян Цзы. Поэтесса снова вовлекает читателя в литературную игру, не менее яркую и оригинальную, чем появление «светлого имени» в «Аполлоне». Наиболее значительным в этих историях было то, что, придумывая судьбу своему литературному двойнику, она обыгрывала совершенно новую тематику, доселе нераскрытую в русской литературе. Так, основной темой цикла де Габриак стала тема «испанской христианской мистики... Испании и католического мистицизма» [3, 21].

Такой же удивительной была и тема «Домика под грушевым деревом». Созданный в традициях древней китайской поэзии, он вобрал в себя весь поэтический опыт, накапливаемый и оберегаемый автором на протяжении двух десятилетий.

В июне 1927 года Е.Васильева вынуждена была покинуть любимый Ленинград в связи с начавшимися гонениями на антропософов. После ареста она отправилась этапом до Урала, а затем добралась до Ташкента, где в то время работал ее муж Вс.Н.Васильев. Именно здесь, в Ташкенте, ее и навещил проездом в Японию ученый-востоковед Юлиан Щуцкий. С его помощью было написано предисловие (в китайском духе) к сборнику и даны заглавия, как утверждала сама Е.Васильева, к каждому из семистиший. Растущее во дворе ташкентского дома грушевое дерево подарило имя Ли Сян Цзы, что в переводе с китайского означает «Философ Грушевого Флигеля».

Несомненно, китайская традиционная культура заинтересовала Е.Васильеву, но будучи русским поэтом, она пыталась соединить в заимствованных образах традиции русской и восточной поэзии.

Так же, как и много лет назад, когда Е.Васильева растворилась в светской даме Черубине, теперь она вдохнула жизнь в Ли Сян Цзы, сопоставив свою судьбу с судьбами далеких предшественников. В древнем Китае человек, состоящий на службе, постоянно перемещался по стране: ему не позволялось служить в родных краях или долго оставаться на одном месте. Отсюда – слезы расставаний, новые встречи. И в восточной поэзии оживает природа с традиционными символами разлуки – «изогнутыми ветками ив» и «осенним ветром», что

...дует,
Разбрасывая сорванные с трав росинки

И слезы –
С рукавов моих...[4, 279].

По этой же причине в восточных стихах присутствует мотив странствий и дороги. Таким же вечно разлучающимся странником была и сама Е.Васильева – ведь у нее практически никогда не было постоянного дома: сначала Петербург, затем – учеба в Париже, частые разъезды, связанные с работой Теософского общества, Екатеринодарская ссылка, поездки к мужу в Туркестан и, наконец, приют под «грушевым деревом» в Ташкенте. В последних ее стихах видна неисчерпаемая тоска по родным местам, куда поэтесса и не надеялась вернуться

...я останусь на много, много лет
Здесь в пустыне...[5, 187].

И вместе с ней тоскует Ли Сян Цзы, перебирая в руках китайский веер
На севере китайская сосна...
Прозрачное сердце, как лед.
Здесь только чужая страна,
Здесь даже сосна не растет.[5, 189].

Воспользовавшись образами китайской поэзии, Е.Васильева первая осуществила попытку “оживить” их в русской литературе. Безупречность формы и гармоничность древних стихов не могли не затронуть ее ранимую душу. Восточная стихотворная традиция – поэзия полунамека, удивительной недосказанности; ум китайского стихотворца волновали события, казалось бы ничего не значущие, но столь часто повторяющиеся в обыденной жизни и остающиеся самыми главными на протяжении многих веков. “Люди, что живут в этом мире, опутаны густыми зарослями своих дел и забот. И то, что у них на сердце, что видят они и слышат, выражают они в песне” [6, 298].

И люди те,
Что жили в старину,
Ужели так же, как и я страдали
И, о возлюбленной своей грустя,
Ночами долгими не спали? [4, 16]

Стихотворения эти по форме были краткими (3-6 строк), но главным их достоинством была образная насыщенность, будившая воображение читателя. Все это и пыталась учесть Е.Васильева, создавая свою собственную “песню”.

Тонко чувствуя особенности восточного стиля, Е. Васильева подвергает обработке образы китайской поэзии, проводя ассоциации с собственной судьбой. Весь цикл состоит из 21 семистишия. Строфы, следуя одна за другой, воспроизводят, картину жизни, в которой лирический герой страдал и любил, расставался ради новой встречи, прощался, не надеясь на свидание. Уделом поэтессы стало вынужденное одиночество вдаль от близких, и потому мысль о ценности дружеского тепла и участия сделалась главной темой сборника. У Ли Сян Цзы нет ни имен, ни предметов, ни каких-либо бытовых деталей, связывающих друзей, - автор использует традиционный символ разлуки – уже упомянутый образ ивы и давнюю китайскую традицию ломать ивовые ветви на прощание перед дорогой

За домами, в глухом переулке
Так изогнуты ветки ив,
Как волна, на гребне застыв,
Как резьба на моей шкатулке.
Одиноки мои прогулки:
Молча взял уезжающий друг
Ветку ивы из помнящих рук [5, 188].

Следуя той же китайской традиции и размышляя над судьбой изгнанника, поэтесса не создает произведений, отстаивающих социальные идеи. Нет упоминаний и о событиях, современником которых являлась она сама или Ли Сян Цзы, за исключением одной строки предисловия: « Ли Сян Цзы за веру в бессмертие человеческого духа был выслан с Севера в эту восточную страну, в город камня » [5, 187]. А вообразить картину этой ссылки читатель может, обратившись к средневековому Китаю, в котором поэтом становился только высоко нравственный и образованный чиновник, прошедший множество испытаний. Отсюда другой образ в китайских стихах – луна, выступающая символом слез. Традиционно луна – ночной гость, с появлением которого начинается путешествие в мир души и размышлений о пережитом, и Ли Сян Цзы обращается к своему безмолвному двойнику

Вся комната купается в луне.
Везде луна и четко-четко
Тень черная на голубой стене...

или

Я и при слабом свете луны

Узор на платке разберу...
И слезы со щек утру [3, 191].

Луна становится молчаливым слушателем путника, проливающего слезы не от того, что мир несправедлив, его печалит мысль о быстротечности времени, а человек – только гость и ему нужно успеть познать этот мир. А мир для восточного средневековья, главным образом, заключался в природе, неразрывно связанной с человеком. Так в “китайских” стихах возникает многообразная картина, где автор представляет себя беззаботной бабочкой, слезы – рекой, потерянного друга – журавлем

И сон один припомнился мне вдруг:
Я бабочкой летала над цветами...
Но, может быть, сама я стала сном
Для бабочки, летящей над цветком [5, 192].

Хотя сама Е.Васильева стихи « Домика под грушевым деревом » считала “вовсе не китайскими”, двадцать из них относительно придерживаются традиции, которая в самую раннюю эпоху китайского стихосложения называлась “ши”. Эта традиция строго оговаривала дозволенные темы, среди которых не было одной – любовной. Ли Сян Цзы же использует дальневосточное предание о любви Небесной Пряхи и Пастуха. Так произошло творческое заимствование древнего сюжета, переосмысленное сочинительницей . И эта история, упоминающаяся в строфе “Небо”, для героя-философа является скорее напоминанием о родине, чем символом любви

Чужеземного дерева плот,
По реке ты плыви без страха.
И увидишь: Небесная Пряха
Целый год Пастуха к себе ждет [5, 193].

Разрабатывая почерпнутый образ, Е.Васильева перешагивала на много веков назад , возвращалась в свою эпоху, тем самым пытаясь ответить на вопрос о смысле земного существования. Вот почему как всякий мыслящий и умудренный жизнью человек, Ли Сян Цзы должен был задуматься над тем, что оставит после себя. В предисловии он не указал свой возраст, но это вовсе и не важно. Истинный мудрец, по законам китайской философии, должен приучить себя к мысли сначала о неизбежной старости, а затем – смерти, чтобы встретить их достойно. И, “слушая свое сердце”, Ли Сян Цзы создал свое двадцать первое и последнее стихотворение-завещание “Человек”

Ему нет имени на небе.
А на земле, куда пришел,
Приняв, как дар, позорный жребий,
Он оправданья не нашел.
Здесь каждый встречный горд и зол.
Мой брат, ищи его внутри,
Не забывай Его – гори! [5, 194].

Всего 147 строк завершили творческий процесс талантливой писательницы. Свое “вхождение” в литературу ознаменовала мистификацией , мистификация и стала последним событием в её литературной судьбе, но оба эти эпизода не были случайными. « Домик под грушевым деревом » - результат исканий и открытий русской поэтессы – Е. Ли, Черубины де Габриак, Е.Васильевой, Ли Сян Цзы. Создавая этот цикл, Елизавета Васильева оставалась смелым художественным экспериментатором, привнося в русскую литературу традиции иностранных мастеров изящной словесности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глоцер В. «Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми: стихи и любовь» // Новый мир. - 1988. - № 12 .- С. 132-170.
2. Бэлза С. Внучки Козьмы Пруткова // Неделя. - 1969. - № 10 (470). - С. 23.
3. Ланда М.С. Миф и судьба // Черубина де Габриак. Исповедь.- М.: Аграф, 1998.- С. 21.
4. Японская любовная лирика.- М.: Эксмо-Пресс, 2000.- 336 с.
5. Черубина де Габриак. Исповедь. – М.: Аграф, 1998. – 384 с.
6. Ки-но Цураюки. О японской поэзии // Японская любовная лирика.-М.: Эксмо-Пресс, 2000. - С. 279.